

Шолпо, И. Л. Поэзия и проза годового круга в «усадебной лирике» А. А. Фета / И. Л. Шолпо. – Текст : непосредственный // Литература (Издательский дом «Первое сентября»). – 2011. – № 1. – С. 23–27.

№ 1 (712) | 2011 | ЛИТЕРАТУРА

Литературные прогулки

23

Поэзия и проза годового круга в «усадебной лирике»

А.А. Фета

Инна Лолиевна ШОЛПО,
кандидат педагогических наук,
преподаватель литературы,
Санкт-Петербург

Продолжение.
Начало см. в № 17–24.

Дополнительные материалы
см. на диске, который будет
приложен к № 4.

В наших статьях (начало цикла см. в № 17 за 2010 год) мы уже говорили о том, что усадебная жизнь формировала в человеке ощущение близости к природе, своей связи с ней, внутреннее переживание смены времён года. Как же изображает изменчивую природу поэт, живущий в усадьбе? С одной стороны, хозяин имения по идее должен смотреть на природу глазами земледельца. С другой стороны, он имеет возможность сам не трудиться на земле и воспринимать природу чисто эстетически. По словам исследователя, «ипостаси лирического героя [усадебной лирики]... варьируются, он проявляет себя либо помещиком-романтиком, либо практиком, слишком хорошо знающим цену каждой вещи, осевшей на подворье и в доме, сопровождающей жизнь нескольких поколений»¹. Эту двойственность мы можем увидеть на примере жизни и творчества А.А. Фета, усадьбы которого навестим сегодня.

«Насколько в деле свободных искусств я мало ценю разум в сравнении с бессознательным инстинктом (вдохновением), пружины которого для нас скрыты, <...> настолько в практической жизни требую разумных оснований, подкрепляемых опытом», — говорил о себе Фет². Эти слова могут стать эпиграфом нашей прогулки.

Противопоставление «прозы Шеншина» и «стихов пленительных Фета» стало общим местом любой статьи, сочинения или школьного урока, посвящённого поэту. Действительно, двойственность его личности отмечали и современники, и позднейшие исследователи. Хотя, возможно, противоречие здесь только кажущееся.

Давайте начнём прогулку с того, что поставим себя на место читателей первых фетовских публикаций, появившихся в 1842–1843 годах в журналах «Москвитянин» и «Отечественные записки». Прочитаем хотя бы несколько стихотворений («Деревня», «Кот поёт, глаза прищуря...», «Вечерний сад», «Я жду... Соловьиное эхо...», «На заре ты её не буди...», «Я пришёл к тебе с приветом...») и выпишем ключевые слова и образы. Затем подумаем над вопросами: *Какому литературному направлению близки эти стихотворения? Что можно назвать «нервом» этих стихов? Каковы особенности их хронотопа? Что должны были подумать читатели о поэте, его происхождении, образе жизни? Что в его стихах наводит на эти мысли? В чём противоречие между самими стихами и подписью — «А.Фет»?*

Как пишет А.Е. Тархов, было очевидно, что «новый поэт... пришёл из мира усадебной России», но «такой фамилии явно было не найти ни в одной из родословных книг российского дворянства»³. Дворянское самоощущение и недворянская судьба драматически столкнулись в жизни поэта. Расскажем об этом учащимся⁴.

Привыкнув с детства считать себя русским дворянином, Фет воспринимал утрату фамилии как утрату корней, родины. «Оторванный от семьи, потерявший свою фамилию, отлучённый от дома (его не брали в Новосёлки даже на летние каникулы), одинокий Афанасий рос в чужом городе, чувствуя себя “собакой, потерявшей хозяина”. Нетрудно представить, куда уносились мысли и чувства пятнадцатилетнего изгоя: однажды, оказавшись на верховой прогулке у лифляндской границы, он за пограничным мостиком соскочил с лошади и бросился целовать русскую землю. Где-то там, за тысячи вёрст, были Новосёлки — его усадебная колыбель, единственная отрада его души», — пишет А.Тархов⁵.

Поэтому отношение Фета к усадебной жизни было особенным, а покупка имения уже в зрелые годы — вопросом принципиальным. Многолетнюю борьбу за возвращение отцовской фамилии⁶, дворянского звания и привилегий не следует расценивать только как признак суетности поэта.

В 1860 году Фет, ушедший в отставку, так и не выслужив дворянства, покупает имение **Степановку** в тех местах (и это, конечно, не случайно), где находились родовые поместья Шеншиных. Впрочем, имение — несколько громко сказано. Это были 200 десятин пахотной земли, недостроенный семикомнатный дом, крытый соломой, голое место без единого деревца. Как, по мнению десятиклассников, может дальше сложиться жизнь поэта-романтика в такой деревне? Для учащихся логично предположить, что поэт будет разочарован своим приобретением и либо уйдёт от действительности в мир поэзии, либо поручит кому-либо построить на этом месте идиллическую Обломовку.

Обратимся к фактам. «Семнадцать лет спустя <...> это была цветущая усадьба с отстроенным домом, хозяйственными постройками, большим прудом».